

CECELIA
AHERN

Postscript

СЕСИЛИЯ
АХЕРН

Postscript

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111-3Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44
А95

Cecelia Ahern
POSTSCRIPT

Перевод с английского Эвелины Меленевской

- Ахерн С.**
А95 Postscript : роман / Сесилия Ахерн ; пер. с англ. Э. Меленевской. — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с.
ISBN 978-5-389-16609-7

Прошло семь лет с тех пор, как умер Джерри, муж Холли Кеннеди. И шесть лет с тех пор, как она прочитала его последнее письмо, призывающее Холли найти в себе мужество начать новую жизнь. Она преодолела боль, заново научилась дышать, любить, верить, у нее есть все основания гордиться тем, как она повзрослела, каким человеком стала за эти годы. Но тут ее покой нарушают участники клуба, вдохновленного ее собственной историей. И им срочно нужна ее помощь. Холли кажется, что дружба с этими людьми погружает ее в прошлое, в мир отчаяния и болезни, заставляет еще раз пережить то горе, от которого она с таким трудом оправилась.. — и все же она не может им отказать.

Спустя 15 лет блистательная ирландская писательница возвращается к героям своего триумфального дебюта «P.S. Я люблю тебя», принесшего ей мировую славу и успешно экранизированного компанией Warner Bros. Полюбившаяся читателям история бессмертной любви обретает новое дыхание.

УДК 821.111-3Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-16609-7

© Cecelia Ahern, 2019
© Оформление суперобложки Holly Macdonald,
HarperCollins Publishers Ltd, 2019
© Shutterstock.com, иллюстрации на суперобложке
© Фото автора Barry McCall
© Меленевская Э. Д., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
Издательство Иностранка®

*Поклонникам «P.S. Я люблю тебя» по всему миру
с самой сердечной благодарностью*

Дорогие читатели!

В октябре 2002 года, несколько дней спустя после того, как мне исполнился 21 год, я начала историю, которая переменяла мою жизнь. Изливая душу в «P.S. Я люблю тебя», смеясь и плача над своими словами, над историей, за которую я и взялась-то для самой себя, я представить себе не могла, какой отклик она вызовет по всему миру и как повлияет на меня.

И теперь с особым чувством я предлагаю вам продолжение этого романа, «Postscript» — своего рода постскрипtum к нему. Я задумала его, чтобы выразить мое огромное уважение всем читателям и поклонникам первой книги, чтобы еще поговорить о Холли Кеннеди, какой она стала через семь лет после смерти Джерри, и посмотреть, как я изменилась за это время как писатель.

Заново открыть для себя своих персонажей — глубокий эмоциональный опыт. Я словно воссоединилась с людьми, сыгравшими важную роль в моей прошлой жизни. И пожалуй, писать эту книгу мне

было сложнее, чем многие другие, ведь на мне была большая ответственность перед всеми читателями, для кого так много значит «P.S. Я люблю тебя».

Я очень горжусь этой историей и надеюсь, что вам понравится и встреча со старыми друзьями, и знакомство с новыми персонажами, что вас тронут и увлекут повороты их жизненного пути.

Писать эту книгу было огромным счастьем для меня, и я от души надеюсь, что на ваших книжных полках она займет то же особое место, что и в моем сердце.

Сесилия Ахерн

Пролог

*Целься в Луну, — даже если промахнешься, ока-
жешься среди звезд.*

Эти слова выбиты на могильной плите моего мужа. Он часто их повторял. Оптимист и жизнелюб, он то и дело выдавал такие мобилизующие фразы, словно подпитывался их энергией. На меня его позитивные призывы совершенно не действовали — пока муж не умер. Я расслышала их по-настоящему, только когда он заговорил со мной из могилы. Вот тогда я их прочувствовала. Поверила им. Уцепилась за них.

Целый год после смерти мой муж Джерри продолжал жить: раз в месяц я открывала письмо от него. Слова в подарок, весточки-сюрпризы. Кроме них, у меня ничего не осталось. Речь не звучащая, а записанная. Его мысли, движения его ума, мозга, управлявшего телом, в котором билось сердце. Слова значили: жизнь. И я хваталась за них, стискивала в руках, да с такой силой, что костяшки белели, а ногти больно впивались в ладони. Держалась за них так крепко, словно они были всем.

Сейчас семь вечера. Первое апреля — никому не верю. День дураков упивается свежим светом. Вечера

сделались длиннее. Весна лечит после резких, хлестких, злых пощечин зимы. Раньше я боялась весны. Зима, в которой так легко укрыться, была мне больше по сердцу. Тьма давала иллюзию, что я окутана вуалью, размыта, выведена из фокуса, почти невидима. Я растворялась во тьме, радуясь, что день скоротечен, а ночь длинна. В сгущающихся сумерках мне слышался отсчет секунд перед тем, как я проваливалась в вожделенный сон. Но теперь я открыта свету. Он нужен, чтобы меня не утянуло назад.

Мое превращение похоже на шок от погружения в ледяную воду. Сначала невыносимо хочется завизжать и скорее выскочить, но чем дольше ты там остаешься, тем больше привыкаешь. Холод, как и темнота, — обманчивое утешение, с которым не хочется расставаться. Но я сумела выбраться: бешено работая ногами и руками, вынырнула на поверхность. С посиневшими губами, стуча зубами, оттаяла и снова вошла в мир.

На границе дня и ночи, зимы и весны, в месте перехода... На кладбище, которое считают местом последнего упокоения, под землей все не так безмятежно, как на поверхности. В глубине, в деревянных объятиях гроба, тела меняются — природа берется за них всерьез. Даже в состоянии покоя тело не остается прежним, постоянно трансформируется. Тишину прерывает лишь детский смех где-то неподалеку. Дети то ли не понимают, в какое междумирье попали, то ли им все равно. Скорбящие хранят молчание, но их страдание — не молчит. Рана скрыта внутри, но ты-то ее слышишь, видишь и ощущаешь. Горе окутывает тело невидимым плащом, он добавляет веса, застит взгляд, замедляет шаг.

Дни и месяцы после смерти мужа я искала ускользающую, потустороннюю связь с ним. Отчаянно

хотелось ощутить себя снова целой, утолить эту невыносимую жажду. Когда я работала, он незримо подкрадывался ко мне, прикасался к плечу... и накатывала такая невыносимая пустота! Сердце иссохло. Горе бесконечно и неуправляемо.

Он выбрал кремацию. Его пепел в урне, врезанной в нишу стены колумбария. Его родители зарезервировали место рядом. За урной в ячейке оставлено свободное пространство. Предназначено оно для меня. Я чувствую себя так, словно смотрю в лицо смерти, в точности так, как было, когда он умер. Все бы сделала, лишь бы оказаться рядом. Забраться в эту его нишу, свернуться, как акробатка, обнять пепел своим телом.

Он в стене. Но его нет ни там, ни здесь. Он исчез. Превратился в нечто рассеянное повсюду. Рассыпался, развеялся в частички материи, витающие вокруг меня. Я бы снарядила армию: пусть отыщет каждый атом и соберет воедино... Но ни вся королевская конница, ни вся королевская рать... Мы учим этот стишок в самом начале жизни, но только к концу ее понимаем, что же он значит.

Нам с Джерри повезло попрощаться не раз, а два; за долгим умиранием от рака последовал год в письмах. Он уходил, втайне зная, что оставляет здесь часть себя, чтобы мне было на что опираться кроме старых воспоминаний. Он нашел для нас способ даже после смерти создать новые. Магия. Прощай, любовь моя, прощай еще раз. Казалось бы, довольно, да? И я так думала. Возможно, именно за тем люди и приходят на кладбище. Еще раз проститься. Возможно, важнее не «здравствуй», а утешительное «прощай» — тихое, мирное, без чувства вины. Мы не всегда помним, как встретились, но часто помним, как расстались.

Разве не удивительно, что я снова здесь, в этом месте и в таком душевном состоянии. Семь лет прошло с его смерти. Шесть лет — как я прочитала его последнее письмо. Стала жить дальше и живу, но последние события меня опрокинули, вывернули наизнанку. Нужно идти вперед, но он силой какого-то заволаживающего, размеренного прилива словно дотягивается до меня и заставляет вернуться.

Я смотрю на могильную плиту и перечитываю надпись:

Целься в Луну, — даже если промахнешься, окажешься среди звезд.

Значит, вот оно как. Потому что мы это сделали, он и я. Мы целились в Луну. И промахнулись. Всё, что у меня есть, и сама я, и моя новая жизнь без Джерри, выстроенная за последние семь лет, — значит, вот так себя и чувствуешь, когда оказываешься среди звезд.

Глава первая

За три месяца до того

— **Д**обродетельная Пенелопа. Жена Одиссея, царя Итаки. Особа основательная и прилежная, преданная жена и мать. Кое-кто из исследователей пренебрегает ею, видя в ней исключительно символ супружеской верности. Но Пенелопа — натура сложная, она плетет интриги так же ловко, как тклет свое полотно. — Тут экскурсовод делает эффектную паузу и оглядывает заинтригованную аудиторию.

Мы с Гэбриелом на выставке в Национальном музее. Прячемся за спинами в последнем ряду, даже чуть в стороне: как будто сами по себе, не хотим вливаться в их банду, но все-таки не настолько равнодушны, чтобы пропустить то, что вещает экскурсовод. Я прислушиваюсь, а Гэбриел рядом со мной листает брошюру. Он сможет потом повторить все, что гид произнес, слово в слово. Он любит такие штуки. А мне нравится, что он любит такие штуки. Он из тех, кто знает, как провести время, и когда мы познакомились, это было одним из самых крупных его достоинств,

поскольку у меня назначена встреча с судьбой. Лет от силы через шестьдесят у меня свидание кое с кем с другой стороны.

— Супруг Пенелопы, Одиссей, покидает ее, чтобы участвовать в Троянской войне, которая длится десятилетие, и еще десять лет уходит у него на то, чтобы вернуться домой. Пенелопа меж тем находится в сложной ситуации: ни много ни мало сто восемь женихов требуют, чтобы она выбрала одного из них в мужья. Пенелопа умна, она находит способы держать женихов в узде, давая каждому надежду, но никогда никому не подчиняясь.

Я настораживаюсь. Рука Гэбриела, по-свойски обнимающая меня за плечи, внезапно кажется тяжелой.

— Ткацкий станок Пенелопы — здесь мы его видим — иллюстрирует одну из ее уловок. Пенелопа работала над погребальным покрывалом для своего свекра, Лаэрта, и уверяла, что выберет себе мужа, только закончив работу. Днем она ткала во дворце на своем огромном станке, а ночью втайне распускала сделанное за день. Она тянула так целых три года в ожидании мужа, обманывая женихов, пока служанка не выдала ее и те не объединились.

У меня лопается терпение.

— А он-то, он ее ждал? — выкрикиваю я.

— Простите? — переспрашивает экскурсовод, ища глазами, откуда прозвучал голос. Вся толпа расступается и оборачивается взглянуть на меня.

— Пенелопа — она да, она образчик супружеской верности. Но как насчет ее мужа? Он-то себя берег для нее там, на войне, двадцать лет?

Гэбриел фыркает.

Экскурсовод улыбается и вкратце рассказывает про девять детей, которых Одиссей прижил от пяти

других женщин, и про его извилистый путь от Трои к Итаке.

— Значит, нет, — бормочу я Гэбриелу, в то время как группа идет дальше. — Дурочка Пенелопа.

— Отличный вопрос! — говорит он, и по голосу слышно, что его это забавляет.

Я снова поворачиваюсь к картине, а Гэбриел продолжает листать свою брошюрку. Ну что, похожа я на добродетельную Пенелопу? Тку ли я днем, чтобы расплести ночью, обманываю ли своего верного-прекрасного ухажера, мечтая о воссоединении с мужем? Перевожу взгляд на Гэбриела. В его голубых глазах пляшут чертики, он не вчитывается в мои мысли. Удивительно легко его обмануть.

— А ведь могла бы спать с каждым из них, пока дожидалась, — говорит он. — Бедная благонравная Пенелопа.

Я смеюсь, кладу голову ему на грудь. Он обнимает меня, прижимает к себе, целует в макушку. Он прочный, как дом, я могла бы жить в его объятиях. Высокий, широкоплечий, сильный, Гэбриел целыми днями лазает по деревьям. Он их лечит. Он древовед — или, по-научному, арборист, такое название он предпочитает. Привык к высоте, любит ветер, дождь и вообще все стихии, путешественник, исследователь, и если он не на верхушке дерева, то под ним, уткнулся в книгу. Вечером, после работы, он остро пахнет водяным кресс-салатом.

Мы встретились два года назад на фестивале куриных крылышек в городке Брей. Он заказывал у стойки чизбургер и собрал за собой целую очередь, пока меня клеил. Подловил в удачный момент. Меня привлек его юмор, а он этого и добивался. Видно, это его коронная фраза: *«Тут один мой кореш интересуется, не присоединитесь ли вы к нему. Чизбургер, пожалуйста»*.

Дурацкие подкаты — моя слабость, но нюх на мужчин у меня отличный. На хороших, на прекрасных мужчин.

Он порывается идти, но я тяну его в другую сторону, подальше от внимательного взгляда добродетельной Пенелопы. Она за мной наблюдает и, видно, узнает во мне себя. Но я-то другая, я не она и быть ею не хочу. Я не поставлю жизнь на паузу ради неопределенного будущего.

— Гэбриел?

— Холли? — в тон мне серьезно отзывается он.

— По поводу твоего предложения...

— Марш протеста у дома правительства против уличных украшений к Рождеству? Мы как раз поснимали гирлянды, так что снова их скоро развешат.

Приходится откинуться назад и задрать голову, чтобы заглянуть ему в лицо, — такой он высокий. Глаза у него веселые.

— Нет, не это. Другое. Про то, чтобы нам съехаться.

— А!

— Давай.

Он вскидывает кулак и бесшумно изображает ликующий-воплъ-на-весь-стадион.

— Только если пообещаешь, что мы заведем телевизор и каждое утро, просыпаясь, я буду видеть тебя таким, как сейчас.

Я становлюсь на цыпочки и тянусь к нему. Сжимаю в ладонях его щеки, чувствую, как он улыбается в свою бальбо-бородку, которую холит как профессионал, — древовед культивирует растительность на своем собственном лице.

— Это неперемнное условие для соседки.

— Для сожительницы! — говорю я, и мы хохочем, как дети.

POSTSCRIPT

— А ты романтичная! — иронизирует он, обнимая меня.

Раньше да, была. Совершенно была другая. Наверное, наивная. Но теперь — нет. Я крепко прижимаюсь к нему. Пенелопа смотрит осуждающе. Я с вызовом вздергиваю подбородок. Она думает, что знает меня. Ничего подобного.

Глава вторая

— Ты готова? — тихонько спрашивает моя сестра Киара, пока мы устраиваемся в креслах-мешках. Вокруг мерный гул голосов, люди ждут начала шоу. Сидим мы в витрине магазинчика сестры — винтаж и секонд-хенд. Называется он «Сорока». Я работаю здесь с Киарой последние три года. Сегодня мы снова преобразили его в пространство, где пройдет открытая запись еженедельного подкаста Киары, «Поговорим о...». Впрочем, на этот раз я не в обычной безопасной роли и вино с пирожными не разношу. Я поддаюсь настойчивым уговорам моей цепкой, но предприимчивой и бесстрашной сестрицы, и сегодня я — гостья ее подкаста. Тема беседы — смерть. «Поговорим о смерти». О своем согласии я пожалела сразу, как только «да» слетело с моих губ, а когда я уселась в витрине и взглянула на собравшихся, досада разрослась до астрономических масштабов.

Перекладчины с вешалками и стойки с одеждой и аксессуарами отодвинуты к стенам, чтобы поместились складные стулья: пять рядов, по шесть в каждом.

Витрину мы разобрали, чтобы разместиться в ней на небольшом возвышении. Спешащие с работы домой люди на бегу таращатся на живых манекенов, что восседают в креслах-мешках спиной к улице.

— Спасибо тебе. — Киара сжимает мне влажную ладонь.

Я вяло улыбаюсь, оценивая про себя последствия: что, если сейчас сорваться с места и спастись бегством. Вряд ли оно того стоит. Слово надо держать.

Киара скидывает туфли и усаживается в кресле с ногами, совсем как дома. Я откашливаюсь, прочищаю горло, звук прокатывается через динамики по залу, откуда на меня выжидающе уставились тридцать пар глаз. Я стискиваю потные руки и заглядываю в заметки. Как измученный студент перед экзаменом, я делала их с тех пор, как Киара меня уговорила. Обрывки мыслей записаны в порыве вдохновения, но сейчас в них никакого смысла. Я даже не вижу, где начинается одно предложение и заканчивается другое.

Наша мама в первом ряду, через несколько стульев от моей подруги Шэрон, которая устроилась в проходе, — там больше места для двухместной детской коляски. Пара маленьких ног — один носок держится на честном слове, другой неизвестно где — торчат из-под одеяла в коляске, полугодовалого малыша Шэрон держат на руках. По один бок от нее шестилетний Джерард, в наушниках, уткнулся в планшет. Еще один отпрыск, четырех лет от роду, во весь голос извещил всех, до чего ему скучно, и сполз со стула так, что голова упирается в основание спинки. Четверо мальчишек за шесть лет; какая же она молодчина, что сегодня выбралась. Я-то знаю, что она с рассвета на ногах. Представляю, сколько сил ей стоило собрать их

всех, выйти из дому, а потом еще трижды вернуться за забытыми вещами. Шэрон, моя боевая подруга. Улыбается мне. Лицо изможденное, но она всегда меня поддержит.

— Здравствуйте все, приветствую вас на записи четвертого выпуска подкаста «Сороки», — начинает Киара. — Некоторые из вас — наши завсегдатаи. Бетти, спасибо, что снабжаешь нас такими вкусными кексами. Кристиан, сердечно благодарю за сыр и вино.

Я выглядываю среди гостей Гэбриела. Могу поспорить, что его нет. Я настойчиво убеждала его не приходить, хотя и упрасивать особо не требовалось. У Гэбриела, который не любит пускать в свою жизнь чужих и чувства держит под замком, в голове не укладывается, что я буду обсуждать свои дела перед толпой незнакомцев. Мы спорили до хрипоты, но сейчас я полностью с ним согласна.

— Меня зовут Киара Кеннеди, я хозяйка «Сороки». Недавно меня посетила идея выпустить серию подкастов «Поговорим о...» и посвятить их благотворительным организациям, в которые мы перечисляем процент от выручки. На этой неделе мы решили поговорить о смерти — особенно о горе и о том, как его пережить, и у нас в гостях Клер Бирн из «Скорбящей Ирландии» и те, кому эта замечательная организация помогает. Средства от продажи билетов и ваши щедрые пожертвования мы направим «Скорбящим». Чуть позже побеседуем с Клер о важной неустанной работе — поддержке тех, кто перенес утрату. Но сначала я хочу представить мою специальную гостью, Холли Кеннеди, которая, так уж вышло, приходится мне сестрой. Наконец ты здесь! — восклицает Киара, и аудитория разражается аплодисментами.

— Наконец, — нервно смеюсь я.

— С тех самых пор, как в прошлом году я стала делать этот подкаст, я постоянно донимала сестру просьбами поучаствовать. Я так рада, что ты согласилась! — Она берет меня за руку и держит, не отпускает. — Твоя история глубоко повлияла на мою жизнь. Я уверена, что нашим слушателям рассказ о твоих испытаниях пойдет на пользу.

— Спасибо. Хотелось бы надеяться.

Замечаю, что шпаргалка в руке дрожит, и высвобождаюсь из Киариной ладони, чтобы придержать листок.

— Тема у нас сегодня совсем не простая... — продолжает сестра. — Мы так любим жизнь и так сосредоточены на том, чтобы устроить ее получше, что беседовать о смерти неловко, таких разговоров избегают. И я даже не представляю себе человека, который больше бы подходил для той задачи, которая сегодня стоит перед нами. Холли, пожалуйста, расскажи, что с тобой случилось.

Я прочищаю горло.

— Семь лет назад рак забрал у меня моего мужа Джерри. У него была опухоль мозга. Ему было тридцать лет.

Сколько бы раз я это ни повторяла, горло все равно перехватывает. Эта часть истории еще не отблела, еще горит во мне, выжигая изнутри. Я бросаю быстрый взгляд на Шэрон. Она драматически закатывает глаза и зевает. Поневоле улыбаюсь. Я справлюсь.

— Мы собрались, чтобы поговорить о горе. Что вам сказать? Я не одна такая, смерть касается всех, и многие из вас знают, что переживание утраты — долгий путь. Ты не способен контролировать горе.

Наоборот, кажется, что большую часть времени оно владеет тобой. Взять под контроль можно только то, как ты с ним справляешься.

— Ты говоришь, что не одна такая, — вступает Киара, — но ведь личный опыт уникален, и мы можем учиться друг у друга. Любая потеря тяжела. Но как ты думаешь: не пришлось ли тебе труднее из-за того, что вы с Джерри выросли вместе? Где Холли — там и Джерри, с детства это помню...

Кивнув, я рассказываю нашу с Джерри историю. Чтобы не сбиться, на публику не смотрю, говорю будто сама с собой — в точности так, как репетировала дома под душем.

— Мы познакомились в школе, мне тогда было четырнадцать. Тогда и начались «Джерри и Холли». Я стала его девушкой. Потом женой. Мы росли, выросли бок о бок. В двадцать девять я его потеряла и стала вдовой Джерри. Я не просто утратила с ним какую-то часть себя. Я чувствовала, что полностью исчезла. Не понимала, кто я. Восстанавливаться пришлось с нуля.

Некоторые кивают. Они знают, о чем я. Впрочем, это всем известно, а если и нет — ждать недолго.

— Ка-ка! — раздается голос из коляски, а за ним — хихиканье. Шэрон, шикнув, лезет в огромную торбу и достает оттуда рисовый хлебец с клубнично-йогуртовой глазурью. Хлебец исчезает в коляске. Квохтанье стихает.

— И как ты восстанавливалась? — спрашивает Киара.

Странно рассказывать сестре о том, что она и так видела своими глазами, поэтому обращаюсь к аудитории, к людям, которых тогда рядом не было. И, глядя в их лица, чувствую, как внутри меня будто щелкает

переключатель. Дело вовсе не во мне. Это все Джерри. Он сделал нечто особенное, и я буду говорить от его имени с людьми, жаждущими это узнать.

— Мне помог Джерри. Перед смертью он придумал секретный план.

— Та-дам! — провозглашает Киара, и по залу пробегают смех.

Я улыбаюсь, глядя на оживившиеся лица. И волнуясь: первый год после его смерти был и правда исключительным, пусть даже за минувшее время его значение и поистерлось в памяти.

— Он оставил мне десять писем, чтобы я распечатывала по одному каждый месяц после его ухода. И каждое письмо заканчивалось словами: «P.S. Я люблю тебя».

Видно, что люди тронуты, поражены. Они кивают друг другу, переглядываются, перешептываются. Тишина нарушена. И тут раздается плач младшего сына Шэрон. Задумчиво глядя перед собой, постукивая пальцем по пустышке, она укачивает малыша.

Киара говорит в микрофон, перекрывая кряхтение младенца:

— Когда я просила тебя поучаствовать в подкасте, ты особенно настаивала на том, чтобы не говорить о болезни Джерри. Ты хотела рассказать о том даре, который он тебе оставил.

Я киваю:

— Да, я не хочу говорить о раке, о том, через что Джерри пришлось пройти. Вот мой совет, если он для вас уместен: постарайтесь не концентрироваться на тьме. Ее и без того хватает. Мне бы хотелось поговорить о надежде.

Киара с гордостью смотрит на меня сияющими глазами. Мама стискивает руки.

— Мне важно рассказать вам о даре, который мне достался. Даре найти себя, которым я обязана потере. И мне не стыдно признаться, что смерть Джерри меня сломала. Но его письма помогли мне обрести себя снова. После его смерти мне открылась та часть моей личности, о которой я прежде и не подозревала. — Слова захлестывают меня, я не в силах остановиться. *Надо*, чтобы люди меня поняли. Сиди я семь лет назад в этом зале, мне бы точно *надо* было это услышать. — Понимаете, я нашла вдруг в себе новую, удивительную силу — на самом дне, в мрачном, пустынном уголке души, но нашла! Увы, но именно так мы обретаем сокровища, что поддерживают в нас жизнь. Роюсь, копаюсь в темноте и грязи, мы наконец наталкиваемся на что-то значимое и надежное. Так я узнала, что каменное дно может стать трамплином.

Ведомая восторженной Киарой, аудитория аплодирует.

Плач младенца Шэрон перерастает в визг — до того пронзительный, будто ребенку ногу отпиливают. Тот братец, что в коляске, бросает в него недоеденный хлебец. Шэрон встает и, извинившись взглядом, одной рукой толкает громоздкую двойную коляску по проходу меж стульями, другой прижимает к себе орущего малыша. Двое старших остаются с моей мамой. Неуклюже маневрируя на пути к двери, Шэрон налетает на стул, цепляется за ремни и ручки чужих сумок, выставленных в проход, бормочет «прошу прощения».

Киара молча ждет, когда она выйдет.

Шэрон толкает коляской дверь, пытаясь ее открыть. Мэтью, муж Киары, вскакивает придержать створку, но двойная коляска слишком широка, не входит в проем. Шэрон в панике раз за разом ударяет ею о косяк. Ребенок вопит, коляска грохочет, и Мэтью

просит Шэрон подождать, пока он откроет вторую створку. Шэрон с несчастным лицом оборачивается к нам. Я, передразнивая ее, закрываю глаза и зеваю. Она благодарно улыбается и наконец выходит.

— Эту часть мы потом вырежем, — шутит Киара. — Холли, помимо писем от Джерри, ты как-нибудь еще ощущала его присутствие?

— Хочешь спросить, видела ли я его призрак?

Кое-то смеется, а кто-то ждет утвердительного ответа.

— Я об энергии, — поясняет Киара. — Ну, ты понимаешь.

Я делаю паузу, чтобы подумать, вспомнить то ощущение.

— Смерть, как это ни странно, да... ты ее физически чувствуешь — как будто с тобой в комнате другой человек. Бреши, что остаются после ухода близких, их отсутствие — почти зримы. Порой Джерри казался мне более живым, чем те, кто был рядом. — Я мысленно возвращаюсь к тем одиноким дням и ночам, когда металась между реальностью и воображением. — Да, воспоминания могут быть удивительно мощными, убедительными. Погрузиться в них было благом, спасением. В воспоминаниях он возвращался ко мне. Но будьте осторожны. Воспоминания могут стать и тюрьмой. Я так благодарна Джерри, что он оставил мне письма. Так он вытянул меня из всех этих черных дыр. В письмах он говорил со мной как живой, и у нас появлялись новые, общие, воспоминания.

— А сейчас? Семь лет спустя? Джерри все еще рядом?

Я молчу. Застыла, глядя на нее, как кролик под светом автомобильных фар. Растерялась. Не могу найти слов. Рядом?

— Я уверена, что Джерри всегда будет частью тебя, — чувствуя мое состояние, мягко произносит Киара. — Он всегда будет с тобой, — продолжает она, как будто бы я забыла, а она мне напоминает.

Пыль к пыли, прах к праху. Рассыпанные, развеянные частицы материи витают вокруг меня.

— Безусловно, — натянуто улыбаюсь я. — Джерри всегда со мной.

Тело умирает, душа — дух — остается. В первый год после смерти Джерри бывали дни, когда мне чудилось: энергия Джерри — во мне, формирует меня, делает сильнее, превращает в крепость. Тогда я была способна на все и совершенно неуязвима. Но порой, ощущая эту его энергию, я рассыпалась на миллион осколков. Это было напоминание о потере. Я не могла. Не желала. Вселенная забрала у меня лучшую часть жизни, и я боялась, что она отнимет и остальное. Теперь я понимаю, что те дни были драгоценны, потому что сейчас, семь лет спустя, я совсем не чувствую Джерри рядом.

Увязнув во лжи, которую только что вымолвила, я гадаю, прозвучала ли она так пусто и гулко, как слышится мне. Между тем дело идет к концу. Киара предлагает слушателям задать вопросы, и я слегка расслабляюсь в надежде, что осталось совсем немного. Третий ряд, пятое место, комкает в руке платок, тушь размазалась.

— Привет, Холли. Меня зовут Джоанна. Несколько месяцев назад я потеряла мужа. Хотела бы я, что бы он так же оставил мне послания. Не могли бы вы рассказать, что было в последнем письме?

— А я и вовсе хочу знать, что было в каждом из них, — заявляет кто-то, сопровождаемый рокотом одобрения.

— У нас хватит времени, чтобы услышать про все, если Холли не против, — говорит Киара, вопросительно глядя на меня.

Делаю глубокий вдох — и очень медленно выдыхаю. Я так давно не вспоминала о письмах. Как о факте — да, думала, но не о каждом в отдельности и не об их порядке. С чего же начать? Новая лампа на прикроватный столик, новое платье, вечер в караоке, семена подсолнуха, полный отрыв с друзьями в день рождения... Поймут ли они, как много значили для меня эти пустяковые на первый взгляд вещи? Но последнее письмо... Я улыбаюсь. Это легко.

— В последнем письме было сказано: «Не бойся снова влюбиться».

Такой прощальный жест Джерри — прекрасный, великодушный, щедрый — всех впечатляет. Всех, кроме Джоанны. В ее взгляде — смятение и разочарование. Отчаяние. Погруженная в горе, совсем не это она хотела услышать. Она еще держится за мужа, она еще не готова отпустить.

Я знаю, о чем она думает. Снова полюбить невозможно. Это не повторится.

СЕСИЛИЯ АХЕРН

Postscript

Выпускающий редактор Д. Рыбина

Редактор О. Дергачева

Художественный редактор Н. Данильченко

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры С. Луконина, Э. Доржиева

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. №1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 08.10.2019.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Original Garamond». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 30 000 экз. В-АНР-25069-01-Р.
Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru